

ОТДЫХЪ. ПУТЕШЕСТВІЕ НА ШЛЮПКЕ В СРЕДНЮЮ ГУБУ

Особенно памяты мне воскресенія. Этотъ день проходилъ у насъ очень разнообразно.

Я любилъ въ хорошую погоду выезжать въ шлюпке въ окрестности гавани. Подъедешь бывало къ почти отвесно спускающейся въ море скале, бросишь весла и смотришь въ воду. Вода прозрачная, прозрачная! Целое волшебное подводное царство открывается передъ глазами. Вотъ медленно, медленно, едва заметно, ползутъ по камнямъ морскія звезды; баянусы, раскрывъ створки своего панцыря, непрерывно двигаютъ своими усиками, производя хватательныя движенія; красивыми подводными цветами выглядятъ актиніи, распустившія свои щупальцы; вотъ целый лесъ буровато-зеленыхъ фукусовъ тянется вверхъ, къ свету, а между ними шныряютъ различныя ракообразныя и мелкія рыбки. Точно громадный морской акваріумъ предъ вами. Ласково греетъ солнце! Смотришь и мечтаешь, мечтаешь безъ конца.

— Константинъ Павловичъ! — раздается откуда-то сверху.

Поднимаю глаза и вижу высоко на скале Маркъ Николаевичъ.

— Идите купаться!

Я сначала не понялъ, о чемъ идетъ речь. Вдругъ на Мурмане — купаться?!

— Куда? — съ удивленіемъ спрашиваю я его.

— Здесь за Екатерининскимъ островомъ я нашель бухточку. Дно чистое, чистое, песчаное и вода очень теплая! Идемте, выкупаемся!

А ведь и вправду заманчиво! Я гребу къ пристани. Скоро мы съ полотенцами и на всякій случай съ термометромъ идемъ купаться.

Действительно, чудное место нашель Маркъ Николаевичъ. Лучшаго для купанья и придумать трудно. Нигде ни раньше, ни позже я не видель въ местахъ для купанья такой кристально-чистой воды. А дно — одинъ восторгъ!

Мы измерили температуру... 14°! Быстро раздевшись, мы бросились въ воду...

Я не помню, какъ я вылетель обратно. Вероятно, на это потребовалось очень немного времени! Дело въ томъ, что поверхностный слой воды въ бухточке действительно нагрелся, но глубже температура была, вероятно, совсемъ неподходящая для купанья. Ощущеніе было такое сильное, что мы, сами не зная почему, долго, долго хохотали

И, какъ ни старались, не могли удержаться отъ хохота. Дрожимъ, одеваемся и хохочемъ, хохочемъ безъ конца!

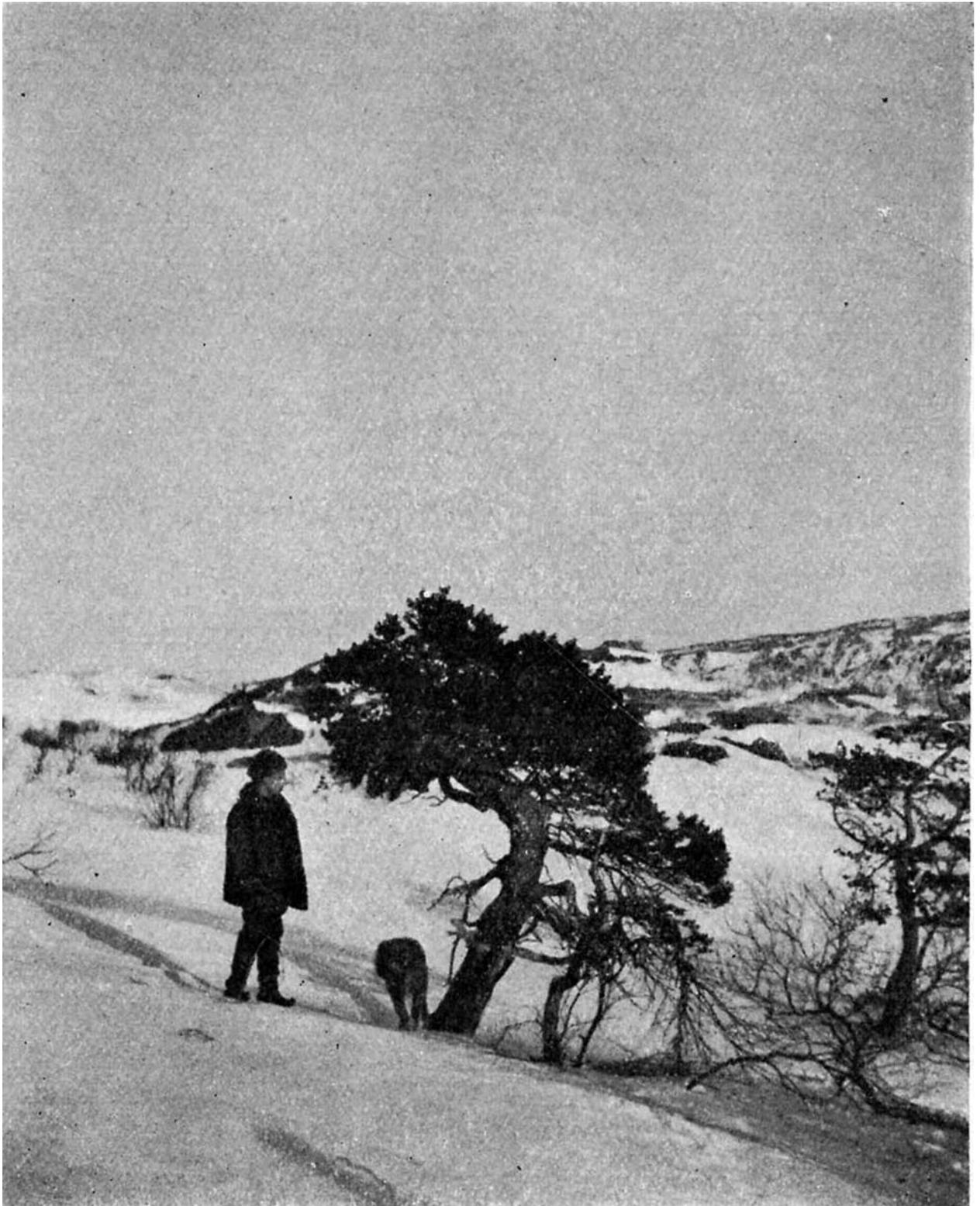
Такъ неудачно окончилась наша попытка искупаться въ водахъ Севернаго Ледовитаго океана.

Вероятно, въ другомъ месте мы поплатились бы за нее. Здесь же все прошло безъ всякихъ последствий: настолько здесь въ воздухе мало бактерій. По этому поводу мне вспоминается, сколько разъ приходилось быть здесь на холоде мокрымъ съ головы до ногъ, и никогда ни кашля, ни насморка!

... Иногда по воскресеніямъ мы делали большія сухопутныя прогулки и прогулки на шлюпкахъ по губамъ Кольскаго залива.

Прилегающая к океану часть Кольскаго залива.

Самая северная сосна в России.

Какъ сильно вліяеть ветеръ на растительность! Берега Кольскаго залива, прилегающія къ океану — голыя скалы, слегка только покрытая растительностью: лишайи, мхи и травы — вотъ все, что оживляетъ въ этихъ местахъ мрачную поверхность гранита. Но стоитъ уйти на несколько верстъ въ глубь страны, стоитъ попасть въ область, хоть немного защищенную отъ ветра, какъ картина сразу меняется: начинаютъ появляться низенькія, корявыя деревья. Уже недалеко отъ Александровска во время одной изъ прогулокъ мы нашли сосну, самую северную сосну въ Россіи.

— Господа, пойдете завтра на шлюпке въ Среднюю губу! — предложилъ как-то Николай Михайловичъ.

Мы все съ восторгомъ откликнулись на эту мысль.

— Къ «Тунь-фиске» въ гости! — заявилъ Александръ Петровичъ.

— Что это за «Тунь-фиска»? — спросилъ я.

— А вотъ увидите интереснейшаго человека!

— Но почему же вы его какой-то «Тунь-фиской» называете? Неужели это его фамилія?

Это одинъ колонист, шведъ. Его фамилія Ш. Въ прошломъ году въ его сети, выставленныя для лова семги, попался тунецъ. Какими судьбами занесло эту рыбу среднеевропейскихъ водъ сюда, на северъ, трудно сказать. И Ш. былъ такъ пораженъ своей находкой, что приволокъ ее

сейчасъ же къ Николаю Михайловичу... Представьте себѣ здоровеннейшаго мужчину (какъ онъ говорить по-русски, вы завтра услышите!), который бежить, запыхавшись, съ пристани, размахиваетъ руками и не переставая повторять: «Тунъ-фиска! Тунъ-фиска!». А какъ онъ надоелъ намъ потомъ этой своей тунъ-фиской! Когда бы его ни встрѣтилъ, прежде всего разговоръ идетъ о тунъ-фиске. Такъ мы его «Тунъ-фиской» и прозвали!

На следующий день большой компаніей разместились мы въ парусной шлюпке. На руле сидѣлъ Александръ Петровичъ, а мы въ качестве матросовъ подъ его командой управляли парусами. Пользуясь приливомъ, мы перешли черезъ покрытую водой перейму и вышли въ Кольскій заливъ.

Какой чудный день! Тепло, какъ въ хорошій майскій день где-нибудь у насъ въ центральной Россіи! Яркое солнце освещало зелененеющія скалы и синюю, синюю гладь залива. Тихій ветерокъ, надувая паруса, незаметно несъ нашу шлюпку къ противоположному берегу, ясно выделявшемуся на горизонте. А какой удивительно чистый воздухъ! Какъ легко, полной грудью дышалось здѣсь на водѣ.

Шумъ, остроты, смехъ раздавались безъ конца.

Мы не заметили, какъ переплыли заливъ и вошли въ Среднюю губу.

Насъ очень приветливо встрѣтилъ мистеръ Ш., какъ его здѣсь все величали. Его русскій языкъ, действительно, былъ поразителенъ: приходилось употреблять все усилія, чтобы не

расхохотаться, а тутъ еще Александръ Петровичъ смешиль насъ.

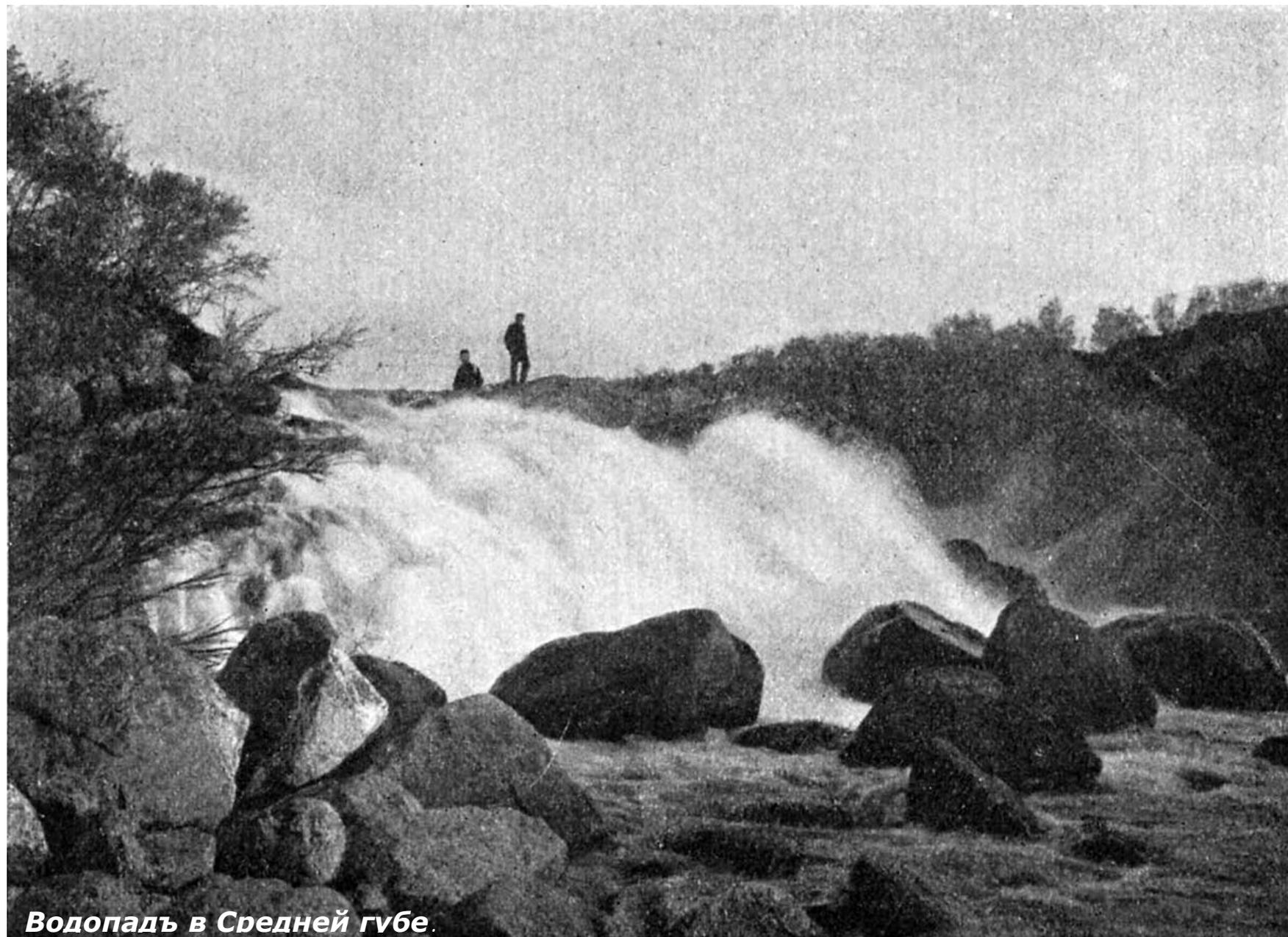
Мы долго лазили по скаламъ, покрытымъ массой цветовъ. Здесь, вдали отъ открытаго океана, чаще попадались и корявыя березки и рябина. Недалеко отъ жилища мистера Ш. протекаетъ река и на ней невысокій, но удивительно красивый водопадъ. Поднимаясь вверхъ по реке, мы дошли до озера, изъ котораго она вытекала.

Трудно не только описать, но и представить себе, какъ все это было поразительно и величественно, и вместе съ темъ красиво. Величественъ и красивъ Нордкапъ, но тамъ — дикая, суровая, грозная красота. Здесь-же въ этотъ яркій солнечный день исчезла вся суровость севернаго ландшафта... На небольшомъ пространстве вы могли наблюдать и широкій заливъ, и устье реки, и водопадъ, и величественно поднимающаяся отвесныя скалы берега! А вдали съ возвышенныхъ точекъ видна была безпредельная, широкая, мощная поверхность океана! Обыкновенно, говоря о севере, всегда указываютъ на бедность его красками.... Какъ несправедливо такое сужденіе! Какая масса оттенковъ, какое разнообразіе освещенія, какая яркость тоновъ! По крайней мере въ этотъ день и въ этомъ месте.

Здесь-же, въ Средней губе я впервые увидель жилище лопарей — низкую, темную землянку; приходится только удивляться, какъ могутъ они проводить въ ней суровую полярную зиму.

Видъ Средней гвбы

Водопадъ в Средней губе.

Скалы в Средней губе.

Землянка лопарей.

Къ вечеру мы сидели въ гостиной мистера Ш., ели вкусную сочную семгу и слушали рассказы о его жизни. Сумель же человекъ и здесь устроиться хорошо! Вся обстановка его указывала на значительный достатокъ. А сколько заманчивыхъ сторонъ въ такой жизни, какую вель онъ въ непосредственной близости къ природе!

Уже къ ночи мы выбрались изъ Средней губы. Ветеръ стихъ, и совершенно спокойныя воды залива, освещенныя розовато-оранжевымъ отблескомъ спустившагося къ горизонту полуночного солнца, разстилались предъ нами, какъ огромное зеркало, отражая въ себе скалы берега. Полная тишина! Хотя и светить солнце, но въ эти часы даже и птицы где-то притаились. Природа спитъ среди полуночного дня!

Мы подняли паруса, но они безсильно висели, и это еще более усиливало впечатленіе полного покоя. Пришлось взяться за весла.... Поднятая ими рябь всколыхнула зеркало залива: заколебалась неподвижная гладь моря, а отражавшейся въ ней берегъ, началъ медленно удаляться.

Кое-какъ часамъ къ 3-4 утра добрались мы до Екатерининскаго острова. Тутъ — новая беда: ушли мы во время прилива, теперь-же былъ отливъ, и черезъ перейму перейти нельзя. Пробовали пристать къ берегу, но наша шлюпка садилась на мель саженьхъ въ трехъ отъ суши. Что было делать? Неужели идти на веслахъ кругомъ Екатерининскаго острова?

Примеръ храбрости показаль нашъ капитанъ. Онъ прыгнулъ со шлюпки и сразу очутился по поясъ въ воде.

— Садитесь ко мне на плечи, я перенесу васъ на сухое место! — предлагаль онъ намъ.

Кто-то согласился и взгромоздился на широкую спину Александра Петровича, который храбро зашагалъ къ берегу, тяжело переступая въ воде по усеянному камнями дну. Но онъ не сделалъ и 5 шаговъ, какъ произошла катастрофа: Александръ Петровичъ поскользнулся и вместе со своей ношей полетель въ воду... Мокрые, дрожа отъ холода, фыркающая и отплевываясь, они подъ общій крикъ и хохотъ, уже не выбирая теперь дороги и безъ всякой осторожности, направились къ берегу и скоро были на суше.

Очередь была за нами. Какъ ни неприятно было лезть въ холодную воду, но теперь уже никто не думаль переезжать на чьей-либо спине. Поднимая миллионы брызгъ и подбадривая другъ друга, мы начали прыгать въ воду! Скорее домой, на пароходъ!

